

Моск. комсомолец, 1985,
20 авг., № 191.

ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЯ

«САД» ✓

УЛИЦА Максимова делает поворот. Я перехожу на другую сторону и погружаюсь в тень цветущих лип. Еще немного, и перед глазами откроется довольно странное здание, напоминающее старинный особняк. Тишина. И только из раскрытого окна доносится музыка Свиридова. Искусство, которое рождается в этих стенах, не нуждается в словах.

Ансамбль пластической драмы при Московской областной филармонии под руководством Гедрюса Мацявичюса представлять, я думаю, не стоит. Много написано различного рода статей и заметок об этом маленьком, не похожем ни на какой другой театре, о его создателе и вдохновителе. В 1984 году этот коллектив был удостоен звания лауреата премии комсомола Подмосковья.

Мне захотелось посмотреть на этот театр глазами зрителя, заглянуть за кулисы, понять, чем сегодня живут режиссер и его актеры. «Начали, пожалуйста!»... Шла репетиция спектакля «Память». Актерами не было произнесено ни единого слова, но могло показаться, что все персонажи говорят. Да, они и говорили. Только по-своему. Синтез музыки и грации рождал искусство пластической драмы. Легкость движений, плавность переходов от одной мизансцены к другой — результат огромного труда. Мацявичюс учит своих актеров насытить каждое движение подлинным содержанием. «Актер должен уметь заполнять своей жизнью пустое пространство сцены», — говорит Мацявичюс.

Спектакль «Память» — диптих. За основу первой части взята поэма А. Блока «Двенадцать». Вторая часть называется «Сад» (по циклу гравюр народного художника СССР Стасиса Красаускаса «Вечно живые»).

— В теме революции и Великой Отечественной войны всегда хочется найти что-то свое, что-то новое. Вместе с автором сценария Александром Мариным, актером театра им. Пушкина, нам хотелось показать, что война разрушает не только жизнь, но и изменяет сам жизненный процесс. По стилю — это музыкальный спектакль. В первой части использована музыка Свиридова и русская народная музыка; во второй — музыка литовского композитора Рекащюса, — рассказал Гедрюс Мацявичюс.

Рожденное руками актеров, оживало прекрасное дерево — символ мирной жизни. Огонь войны выжигал все живое, и прекрасное дерево искажалось, оно болело болью человека, посадившего его. И руки актеров — ветви — изгибались, стремились ввысь и застывали, словно обугленная крона. Казалось, будто я вижу костер, в котором пылает главный герой Садовник со своей семьей — своим Садам.

Зритель, я воспринимал драматургию через пласти-

ку. Удивительно точно передавали актеры языком жеста все порывы души человеческой. Мацявичюс учит своих актеров говорить каждым жестом, каждым пальцем руки. Он все время на сцене: объясняет, показывает, а потом просит повторить еще раз. Никогда не повышает голоса и всегда выслушивает, что говорят актеры. Он любит их. Это его САД!

Мацявичюс нашел и продолжает искать свое в искусстве пластической драмы:

— В создании предметов и пространства на сцене актеры достигают совершенства. С этой точки зрения, пантомима безумно интересна. Но это лишь одна грань пластического театра. Я отказываюсь от пантомимического театра. Что же исповедую я и мои актеры? Во-первых, драма и все необходимые драматургические параметры: конфликт, взаимоотношения, характеры, события — словом, все то, что должно быть в хорошей драматургии. «Пластическое» — это средство выражения. Здесь мы используем не только пантомиму, но и всю палитру человеческого самовыражения в пластике: танец, акробатику, бытовой жест, спортивную лексику и т. д. В спектаклях стремимся поднять драматическую коллизию до того уровня, когда слова либо по объективным причинам, либо по субъективным становятся лишними. Это ситуация предельной конфликтности — за границами слова. Я стараюсь брать ту драматургию, которая насыщена человеческими поступками, в которой нет места «словоблудию».

Конфликт, выявленный в словах, — еще не все. Глубинный конфликт всегда молчалив, всегда за пределами слов.

Мацявичюс встал и стал показывать мне, человеку, мало посвященному в тайны его искусства, как можно выстроить на сцене без декораций меблированную комнату и прямой, как стрела, проспект, объяснять, как движением можно выразить сложнейшую гамму человеческих чувств.

МАЛЕНЬКИЙ коллектив живет большой и напряженной жизнью. Ставятся не только новые спектакли, но и перерабатываются старые. Шутка ли сказать — спектакль «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» — сыгран более 300 раз! Гедрюс Мацявичюс считает, что репертуар театра необходимо соотносить с проблемами сегодняшнего дня: «Главное, чтобы материал был умным, чтобы он задевал нас, и актерам было что играть. Для нас очень важна действенность драматургии».

Я ВЕРЮ в то, что каждый, проходящий сюда весной или осенью, зимой или летом, будет слышать музыку из приоткрытого окна в здании, напоминающем старинный особняк, на улице Максимова. И пока цветет Сад — путь продолжается!

М. ЛАКШИН.